

На правах рукописи

АТАЕВА ТАХМИНА ХУСЕНОВНА

**ГЕНДЕРНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА
В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

**Автореферат
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук
Мухторов З.М.**

Душанбе - 2022

Работа выполнена на кафедре языкознания Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова.

Научный руководитель: **Мухторов Зайнидин Мухторович** - доктор филологических наук, ректор Филиала Сингапурского института развития менеджмента в городе Душанбе.

Официальные оппоненты: **Каримов Шухрат Бозорович** – доктор филологических наук, декан факультета английского языка Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни.

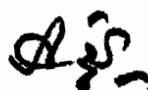
Насруддинов Сирожиддин Мохадшарифович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана

Ведущая организация: Таджикский государственный институт имени С. Улугзаде.

Защита диссертации состоится «12» октября 2022 года в 13:00 часов на заседании диссертационного совета Д. 737.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Межгосударственном образовательном учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» по адресу: 734025, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсунзаде, 30. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Российско-Таджикского (Славянского) университета (<http://www.rtsu.tj>).

Автореферат разослан « _____ » _____ 2022г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Аминов Азим Садыкович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что сопоставление лексики гендерных стереотипов и понятий в таджикском и английском языках пока еще не проводилось. Диссертационная работа посвящена анализу лексики гендерных стереотипов в таджикском и английском языках на основе их принадлежности к восточной и западной лингвокультурологическим общностям с учетом взаимодействия и взаимопроникновения языковых элементов в социально-психологическую и национально-культурную среду.

В рамках проведенного исследования рассмотрены теоретические аспекты изучения данного сегмента лексики в таджикском и английском языках, история изучения и тематическая классификация гендерного лексикона. Наряду с этим определяются её лексико-семантические особенности, специфика гендерных понятий, терминов, стереотипов и их обозначений в таджикском и английском языках в рамках таких лексических категорий, как полисемия, синонимия, омонимия, антонимия, их семантические и метафорические особенности.

Таким образом, актуальность диссертационной темы обосновывается тем, что сопоставление лексики гендерных стереотипов и понятий в таджикском и английском языках даёт возможность более чётко и убедительно показать специфические особенности системы языковых средств, передающих гендерную идентичность носителей этих языков, рассмотреть дискурсы, контексты и коммуникативные ситуации, в которых развивается этот процесс, выявить лингвистические и экстралингвистические факторы, генерирующие данное явление.

Степень изученности темы исследования. Формирование понятия «гендер» в исследовательской системе отечественной лингвистики позволяет расширить прежние и открыть новые перспективы для осмысления различных сторон и граней языка в новом аспекте.

Одним из наиболее перспективных направлений гендерных исследований являются сопоставительные, кросскультурные, этнолингвистические и лингвокультурологические исследования, которые характеризуются наименьшей представленностью. В рамках этих подходов можно наиболее четко определить специфику отражения гендера в той или иной картине мира, а также исследовать формирование гендерной картины мира, гендерной языковой картины мира и этнокультурной гендерной языковой картины мира.

Следует особо отметить, что гендерный фактор именно в такой интерпретации только начинает рассматриваться в некоторых трудах ученых и исследователей и носит всё ещё фрагментарный характер. Изучение научных работ ряда учёных (А.В.Кирилина, И.И.Халеева, М.Дмитриева, А.Г.Михайлова) позволяет прийти к выводу, что в настоящее время термин «картина мира» широко употребляется именно в межкультурной коммуникации. На современном этапе развития научного знания важным является изу-

чение картины мира каждого народа, потому что каждой цивилизации свойственны свои формы мировосприятия и речемыслительной деятельности. Необходимо отметить тот факт, что к данной проблеме обращаются также исследователи, не являющиеся представителями лингвистической гендерологии. В российской лингвистической науке вместе с субъективным изучением специфики русских стереотипов фемининности и маскулинности проводятся сопоставительные исследования (А.П. Мартынюк, А.В. Кирилина, И.Г. Ольшанский) данной проблематики с привлечением материалов европейских языков.

Анализ состояния гендерных изысканий в современном таджикском языкознании показывает, что лишь незначительное количество работ посвящено кросскультурным исследованиям. Чаще всего они представляют собой сравнительный анализ одного определенного концепта на базе двух, а иногда и трех языков. Проблеме гендерного подхода к переводу в рамках гендерной картины мира уделено явно недостаточно внимания. Существующие исследования касаются лишь вопросов влияния личности переводчика, неадекватности передачи текста. Крупных комплексных исследований с целью систематизировать проблемы перевода, связанные с особенностями проявления гендерных стереотипов в различных языках, практически нет. Следовательно, есть необходимость опираться на исследования российских ученых. К примеру, вызывает интерес первая работа, посвященная описанию образа женщины в русском языке предпринятая Карин Тафель.

Данную проблематику в контексте взаимосвязи языка и культуры, в том числе лингвокультурологии, понятий правого и левого соотношения с мужественностью и женственностью, рассматривала Иржина Ван Лейвен-Турновцова, которая считает, что в большинстве культур правое понятие доминирует как понятие мужественности, а левое понятие (в значении «неправильное понятие») доминирует как понятие женственности.

О росте интереса к гендерным исследованиям свидетельствуют научные труды последних лет, в которых наблюдается внимание к некоторым фрагментам языковой системы в контексте гендерологии.

Развитие языка не зависит от развития общества, изменение значения слов является одной из форм развития языка, что способствует возникновению многочисленных семантических групп и категорий.

В таджикском языкознании вопросами изучения лексической семантики и перевода других языковых единиц в рамках сравнительно-исторического и типологического языкознания, а также их лексико-семантических особенностей занимались такие ученые-языковеды, как А.А.Керимова, Э.К.Собиров, А.Хасанов, А.Рустамов, М.Б.Шахобова и другие.

Начиная с 1995 года, благодаря трудам и стараниями международных организаций, были начаты первые социологические исследования по программам, связанным с положением женщины в современной таджикской семье, её деловым статусом и участием в политике. Зарубежные исследователи Ш.Тоджбахш, К.Харис, А.Рихтер, Д.Фолингем и другие провели работу в

этом направлении и внесли свой определенный вклад в решение гендерной проблематики в Таджикистане.

«Трудно быть женщиной в Таджикистане, но также трудно быть и мужчиной! Достаточно задуматься об экономической ситуации в стране... и трудовой миграции!» Данную картину жизни таджикских женщин представила исследовательница из Гейдельбергского университета в Германии Светлана Торно. Исследуя социальную роль женщин в Таджикистане, Светлана Торно сделала вывод, что гендерные отношения конструируются и проживаются в Таджикистане иначе (не имеется в виду все, но есть различия), и это формирует то, что женщины и мужчины чувствуют в отношении друг друга.

Сегодня в Таджикистане можно перечислить несколько ведущих неправительственных международных организаций, такие как Бюро «Женщины в направлении развития» («Бонувон дар раванди инкишоф»), «Ассоциация женщин с высшим образованием» («Ассотсиатсияи занони маълумоти олимпдор»), «Традиции и современный мир» («Анъанаҳо ва замони муосир»), «Женщины-ученые Таджикистана» («Олимаҳои Тоҷикистон»), «Панорама», «Манижа», «Модар», «Лига женщин-юристов» («Лигаи занҳои ҳуқуқшинос») и другие, которые всесторонне занимаются гендерологией в Таджикистане.

Все вышеперечисленное является первым шагом в сторону интеграции различных гендерных вопросов в учебную программу высшего образования с помощью факультативных курсов. В 1999 году впервые в Российско-Таджикском (славянском) университете по инициативе общественного объединения «Анъанаҳо ва замони муосир» был разработан и издан специальный курс «Гендер и культура».

История введения специальных курсов по гендерным исследованиям на факультете востоковедения (ныне факультета языков Азии и Европы) Таджикского национального университета тесно связана с рассмотрением гендерных вопросов в языке и литературе.

В 2001 году по инициативе профессора кафедры иранской филологии Ф.Р.Амоновой и при поддержке гендерных программ Свободного европейского университета (Будапешт, Венгрия) был проведен научный семинар на тему «Гендер: язык и литература», в котором приняли участие ученые и специалисты университетов и институтов Национальной Академии наук Таджикистана. Материалы этих семинаров были опубликованы в сборнике статей и получили высокую оценку специалистов в данной области. С того же года на факультете востоковедения Таджикского национального университета ввели курс обучения «Гендерные проблемы в языке и литературе».

В последние годы активизировались исследования таджикских ученых в области концептологии, сопоставления значений слов и их лексико-семантических особенностей в разных языках с точки зрения сопоставительного и типологического языкознания в рамках классификации определенных лексико-семантических групп, к примеру, теоретические и практические разработки ученых-лингвистов Д.М.Искандаровой, М.Б.Давлатмировой, М.Имомзода, Н.Б.Рахмоновой, А.Гуловой, М.Дж. Мамедовой, Н.Г. Бойматовой.

вой. Не обойдены также вниманием вопросы гендерологии и соотношения понятий, относящиеся к гендерным вопросам, в работах С.Д.Камоловой, А.М.Байзоева, У.Сафарова, Р.Шодиева, Д.Рахимова, М.Т.Махмаджоновой, М.Давлатовой, Ф.Амоновой, О.О.Махмаджонова.

Вместе с тем, несмотря на пристальное внимание лингвистов к проблеме гендерных отношений в языковом пространстве, обусловленных кросскультурным взаимодействием, очевидна необходимость глубокого всестороннего изучения гендерной лексики в таджикском языке в сопоставлении с другими языками, в том числе с английским языком, и систематизации гендерных особенностей в условиях формирования правильных переводческих решений и тактик.

Объект исследования. Объектом исследования диссертационной работы является гендерно-ориентированная лексика в иерархии таких категорий как гендерные стереотипы, гендерно-маркированная лексика, гендерно-нейтральные лексические единицы, поликорректные и метафорические единицы с гендерным компонентом как ведущие функциональные единицы гендерной языковой картины мира.

Предмет диссертационного исследования. В качестве предмета исследования данного диссертационного исследования выступает совокупность вопросов межъязыковых соответствий передачи гендерно-ориентированной лексики, а также сопоставительный анализ функционирования гендерно-маркированных, политкорректных и метафорических единиц с гендерным компонентом в гендерной языковой картине мира.

Цель исследования – проанализировать специфические особенности гендерно маркированной семантики лексики таджикского и английского языков, выявить гендерные стереотипы представителей данных лингвокультур и их влияние на речевое поведение носителей языков.

Для достижения цели исследования предусмотрено решение следующих **задач:**

- рассмотреть теоретические аспекты проблемы, акцентируя внимание на антропометрической и лингвокультурологической парадигмах исследований;
- проанализировать понятие «гендер» как лингвистическую категорию, определить принципы анализа этого явления в лингвистике;
- выявить особенности проявления гендерных стереотипов в языковом сознании носителей таджикского и английского языков, описать их коннотацию на примере языковых средств различных уровней;
- показать особенности проявления гендерных стереотипов в языковом сознании носителей таджикского и английского языков по результатам ассоциативного эксперимента;
- рассмотреть вопрос категории рода в языке контексте гендерной категоризации и констатации половой принадлежности;
- проанализировать гендерный фактор в процессе перевода с таджикского языка на английский и наоборот;

- определить наиболее приемлемые способы и пути решения проблем межъязыковой передачи гендерно ориентированной лексики.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые выявляются языковые особенности гендерно-ориентированной лексики таджикского и английского языков, специфика гендерной лексики и гендерной языковой картины мира с учетом универсальных и этнокультурных стереотипов. Впервые осуществляется анализ ее функциональных единиц и структурных подтипов; исследуются особенности межъязыковых соответствий гендерно ориентированной лексики в этнокультурной языковой картине мира; впервые производится систематизация особенностей и трудностей перевода гендерно - ориентированной лексики и вырабатывается определенная схема их разрешения; вводится прием гендерной антонимии при переводе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит существенный вклад в развитие лингвокультурологии и теорию межкультурной коммуникации. Для общего языкознания важным является углубление и расширение понятия гендерной языковой картины мира, анализ ее структурных подтипов и функциональных единиц. И это, в свою очередь, способствует изменению определенных особенностей норм языка, что может решить ряд проблем межкультурного и межгруппового общения. Положения и выводы данной работы способствуют дальнейшей разработке проблем гендерной лингвистики и общих и частных вопросов переводоведения, изучению и описанию механизма корреспонденции языка и культуры, а также презентации национально-культурных установок и гендерных стереотипов.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его материалы и результаты могут быть использованы при составлении учебников по межкультурной коммуникации, в практике преподавания спецкурсов и проведения семинаров по лингвокультурологии и гендерной лингвистике, при обучении английскому и таджикскому языкам. Иллюстративный материал, а также предложенные переводческие решения и приемы найдут свое применение при составлении различных пособий по теории и практике перевода. Материал исследования может быть использован при написании курсовых и дипломных работ по данной теме.

Методология и методы исследования. Диссертационная работа базируется на общефилософских принципах, наряду с которыми язык идет как материальная, объективно-динамическая и меняющаяся система. Основополагающим принципом диссертационного исследования является объективность, которая обязывает рассматривать развитие языкового процесса с учетом объективных факторов, что вызывает необходимость проведения типологического и сопоставительного исследования таджикского и английского языков, позволяющего выявить универсальные и специфические их признаки. Данный подход имеет междисциплинарный характер и связан с поиском концептуально-ориентированных категорий в области лингвокультурологии.

Научную основу диссертационного исследования составляют идеи и концепции зарубежных лингвистов в области гендерных исследований

Э.Сепира, Б.Л.Уорфа, Ю.Д.Апресьяна, Н.Д.Арутюновой, А.Вежбицкой, В.Г.Гака; исследований языка и культуры Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова, В.В.Воробьева, Д.Б.Гудкова, Ю.Н.Караулова, В.В.Красных, Ю.М.Лотмана, В.А.Масловой, Ю.С.Степанова, В.Н.Телия, В.И.Карасика; исследований в области сопоставления и межкультурной коммуникации О.А.Леонтович, Л.Г.Саяховой, Е.Ф.Тарасова, С.Г.Тер-Минасовой, Н.В.Уфимцевой, теории и практики перевода В.С.Виноградова, Ю.А.Сорокина, В.Н.Комиссарова, Н.К.Гарбовского, Д.Робинсона, Т.А.Казаковой, Н.Галь, Д.И.Ермолович, Т.А.Фесенко, St.Campbell, J.Catford, A.Neubert, E.A.Nida, G.Steiner, S.Torno; а также идеи и концепции лингвистов-гендерологов И.И.Халеевой, А.В.Кирилиной, М.Д.Городниковой, Е.И.Горошко, М.В.Ласковой, известных таджикских языковедов Н.Маъсуми, Д.Т.Таджиева, М.Н.Касымовой, Б.Камолетдинова, Д.Ходжаева, А.Байзоева, М.Т.Махмаджоновой, А.А.Хасанова, Т.Шокирова.

Основными методами исследования послужили методы структурно-семантического и сопоставительного анализа, компонентного анализа, сравнительного анализа параллельных текстов, а также семантического анализа как для подтверждения имеющих мест закономерностей, так и для их выявления. Наряду с этим, в работе использовались различные взаимодополняющие методы исследования: описательно-аналитический, элементы методов трансформации лингвистического эксперимента и количественной оценки, также фрагментарно использованы понятия и подходы иных гуманитарных областей знания – психологии, психолингвистики, логики и, в ряде случаев, применялся комплексный филологический подход.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Гендерно-ориентированная лексика, или гендерная языковая картина мира, является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Языковая картина мира – это исторически сложившийся в обыденном сознании человека определенной языковой группы комплекс, или совокупность, представлений о мире, определенный метод концептуализации, выраженный в языке.

2. Проблема изучения языковой картины мира связана с задачей концептуальной картины мира, которая воссоздает своеобразие существования человека, его взаимосвязь с миром и картину его существования в определенной лингвокультурной среде.

3. Гендерные исследования как новое научное знание затрагивают вопросы межкультурного сопоставления гендерной лексики, а именно – проявления гендерных стереотипов на языковом уровне. Исходя из этого, можно констатировать, что задача нашего исследования – рассмотреть особенности гендерной картины мира таджикского и английского языков.

4. Гендерная языковая картина мира формируется на основе языков отдельных народов и культур, источником которых является функционирование разных гендерных норм поведения, а также стереотипов в языках, проявляющих общие представления в языковом сознании отдельных народов.

5. Гендерные стереотипы и гендерно ориентированные, политкорректные и метафорические единицы с гендерным элементом являются основными действующими единицами гендерной языковой картины мира.

6. В результате определенных изменений в социальной среде меняются гендерные стереотипы и их восприятие. Процесс данных изменений значительно отличается у разных народов и в разных языковых общностях, изменения по-разному воспринимаются представителями различных лингвокультур и интерпретируются в языковом этнокультурном сознании.

7. Тенденция ослабить, то есть нейтрализовать, язык касательно гендера привела к образованию толерантного дискурса, где произведенные с законами толерантности – устные и письменные тексты передают заметную запутанность для межязыкового отображения.

8. Довольно заметно отличаются друг от друга гендерно языковые и этнокультурные гендерные языковые картины мира различных народов.

9. Особенности межкультурной коммуникации и межъязыковой передачи текстов, содержащих гендерно маркированные единицы, предопределяют концентрацию внимания на следующих аспектах:

- особенности передачи гендерного феномена в языках;
- гендерный фактор в переводе как индивидуальная парадигма;
- особенности перевода гендерно ориентированной лексики;
- метафоризация гендерной лексики.

10. Результаты сравнительного анализа гендерно маркированных языковых материалов таджикского и английского языков показывают, что необходимо избегать дословного перевода при межъязыковой передаче гендерно ориентированной лексики и употребить несколько основных переводческих приемов.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Достоверность результатов изыскания подтверждается широким кругом научных источников и языковых данных, привлекаемых к анализу, апробированной теоретической базой исследований, применением комплексной методики исследований.

Основные положения диссертации были опубликованы в сборниках Всероссийских научно-практических конференций «Преподавание языков: цели, технологии, результаты» (2018) и «Методы, средства и приемы повышения эффективности образовательной деятельности» (2019). Результаты исследования в форме научного доклада обсуждались на X Научно-практической конференции «Ломоносовские чтения» (2019), текст доклада опубликован в Вестнике филиала Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в г.Душанбе. Содержание диссертационной работы также нашло отражение в 5 статьях, опубликованных в научном журнале «Вестник Таджикского национального университета» (2018-2019), который входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех исследовательских глав, заключения, библиографического списка и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования; определяются его цель и задачи; обозначены объект, материал и методы исследования; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Теоретические предпосылки изучения языка в гендерной парадигме» состоит из 4 разделов и посвящена теоретическим аспектам гендерной парадигмы в языке. В первом разделе первой главы **«Исследование гендерной языковой картины мира в лингвистике»** даётся общее определение понятий гендера и гендерно ориентированной лексики в рамках анализа и интерпретации общей проблематики многих академических дисциплин, к примеру, психологии, социологии, философии, литературы, включая и языкознание. Отмечается, что, несмотря на огромный научный и эмпирический материал, собранный на основе изучения различных языков и культур, а также данных других наук, касающихся проблем языка, разработка целостной междисциплинарной теории гендера все еще далека от полного завершения. В данной части работы рассматривается проблема выявления сходства в речи мужчин и женщин и затрагивается вопрос о том, какое значение это может иметь для выбора методики исследования вопросов гендера и языка, а также для дальнейшего развития общей теории гендера во взаимосвязи с языкознанием.

Понятие картины мира, а именно определение языковой картины мира, является одним из актуальных аспектов современного языкознания. Следует отметить, что языковая картина мира – это результат объективации концептуальной картины мира в языке, также существующей в двух плоскостях: как часть лингвоментального пространства народа и как часть ментального мира конкретного индивида. Языковая картина мира не равна концептуальной: вербализируются не всё содержание ментального мира, а лишь коммуникативно и культурно значимые для индивида или народа ментальные единицы.

При этом концептуальная картина мира изменяется гораздо быстрее языковой: она отражает результаты постоянной познавательной и социальной деятельности человека. Одновременно некоторые фрагменты языковой картины мира дольше сохраняют архетипические, «реликтовые» представления о мироздании. К реликтовым представлениям относится большинство гендерных стереотипов, генезис и существование которых обусловлены древнейшими пластами человеческого сознания.

Следовательно, вопрос изучения языковой картины мира коррелирует с проблемой концептуальной картины мира, представляя особенность и специфику сознания человека, его взаимосвязей и бытия в мире. Языковая кар-

тина мира отображает общую картину мира, формулируя различные картины мира человека.

Функция языка заключается не только в передаче сообщения, но прежде всего во внутренней организации, которая относится к сообщению. Формируется своего рода «пространство значений», то есть зафиксированные в языке знания о мире, куда безусловно сливается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Создается мир говорящих на данном языке, то есть языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии и грамматике.

Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [Маслова, 2001].

Языковые пробелы, особенности лексического строения языка, различия во фразеологии, метафоризации окружающего человека мира являются признаком национальной специфики языковой картины мира у разных народов. Сходная картина рассматривается в сфере грамматических категорий, а также наблюдается конкретная асимметрия формы и значения, то есть наличие значения в сознании, не имеющего однозначной грамматической формы для выражения, как, например, категория рода имен существительных в английском языке. Особенность грамматического строя отдельного национального языка связана с присутствием вместе с универсальными логическими формами мышления – понятиями, логическими фразами – национальных семантических форм мышления.

За внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания могут присутствовать абсолютно разные «образы мира», например, *одоб* или *эхтиром* у таджиков и в иной культуре. И в то же время различия в языковой картине мира далеко не всегда указывают на кардинальные различия в определенных частях картины мира и языкового сознания.

Исследования в этой области показывают, что, несмотря на различия в языковой картине мира разных языков, в картине мира носителей европейских языков, кроме расхождений, есть и много общего.

Следовательно, языковая картина мира определяет интерпретацию человеком реальности путем языкового оформления, а картина мира рассматривается как “воссоздание в психике человека предметной окружающей реальности как косвенное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и подающееся сознательной рефлексии” [Леонтьев, 1988].

Во втором разделе первой главы под названием **«Исследование проблем гендерной специфики языка»** отмечается, что концептологические исследования, направленные на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представлений о мире и способы их концептуализации в языке, вносят большой вклад в понимание ментальности народа-носителя языка. В связи с возникшей необходимостью объяснения процессов категоризации мира и их сущности, формирования структур знания, мыслительных процессов когнитивный подход к языку явился логическим следствием развития лингвистики. Когнитивная лингвистика исходит из понимания того, что человеческое сознание отражает мир в форме ментальных репрезентаций, отпечатков опыта, которые хранятся в фонде представлений о возможной действительности, формируются и развиваются в течение жизни человека. Язык рассматривается уже не столько как весьма важная для человека форма существования знаний, сколько как один из способов экспликации ментальных репрезентаций. Не случайно, что теоретической базой когнитивного подхода к языку в зарубежных исследованиях стала, среди прочих, концепция Р.Джекендоффа, согласно которой необходимо различать реальный мир как источник наших знаний и мир, проецируемый нашим сознанием. Справедливо полагая, что важным источником эмпирических данных для теории познания является, в том числе, и грамматическая структура языка, Р.Джекендоффа закладывает теоретический фундамент для дальнейших семантических исследований. В то же время его труд предстаёт как некоторый итог многочисленных изучений в области антропологии, психологии, философии и лингвистики, направленных на доказательство принадлежности языковых категорий когнитивному аппарату, на раскрытие концептуальной сущности и структуры языка [Комарова, 2012].

Формирование индивидуального сознания происходит в процессе усвоения родной культуры, вместе с которой человек приобретает и общественное сознание носителей своей культуры. Индивидуальное сознание является своего рода продуктом общественного сознания и культуры, в сознании нет ничего, чего не было бы заложено в культуре. Следовательно, по результатам индивидуального сознания мы можем судить и об общественном сознании в целом [Сергиева, 2001].

В третьем разделе первой главы под названием **«Особенности речемыслительной деятельности полов в гендерной языковой картине мира»** исследуются различия и характерные признаки речи мужчин и женщин. К настоящему времени категория «гендер» из области социальных наук практически переместилась в сферу лингвистических исследований, где, в свою очередь, стала весьма продуктивно изучаться в таких направлениях, как прагматика и антропоориентированное описание коммуникативных процессов. В связи с этим А.В.Кирилина утверждает, что в рамках лингвистического исследования не существует такой категории, как гендер, однако посредством изучения структуры языка возможно выявление содержания данной категории [Кирилина, 2000].

Половая дифференциация речи стала известна с XVII века, когда были открыты новые туземные племена, у которых наблюдались довольно значимые различия в речи в зависимости от пола говорящего. Прежде всего это касалось женщин, так как их речевое поведение регламентировалось в большей степени, чем мужское, поэтому первоначально в научном описании обследовались так называемые «женские языки», проявление дифференциации речи по гендерному признаку, специфические особенности речи женщин по сравнению с речью мужчин, проявляющиеся как на уровне системы языка, так и в процессе его функционирования [Жеребило, 2010].

В так называемых культурных обществах различия между мужчинами и женщинами в языке значительно меньшие, они касаются главным образом не набора языковых единиц, а частоты их использования, а также речевого поведения, отношения к языку, языковых вкусов и предпочтений. К примеру, такие английские конструкции, как:

John is here, isn't he? – более подходящие для речи американок.

Is John here? – характерны для мужчин – американцев.

С усилительным *so*:

I feel so unhappy! The sunset is so beautiful! – более употребляемы в устах женщины [Lakoff, 1975].

Диалог между мужчинами (на тадж):

- *Шунидам, ки орден гирифтай. Рост?*

- *Рост.*

- *Чаро намеовезӣ?*

- *Чӣ лозим? Пурсупос сар мешавад: кай додан? Чӣ кор кардӣ?*

Диалог между женщинами:

- *О нагуфтам отаиш баланд нашавад!?*

- *Баланд нашавад, гуфтӣ-куя...*

- *Оё нагуфтам отаиши газ тез аст?*

- *Отаиш тез гуфтӣ-куя...*

* * *

- *Хат? Чӣ хел хат?*

- *Хат-дия. Мактуб, яъне* [Мухаммадиев, 1990].

Выявляя такие дифференции в употреблении языка, ученые могут аргументировать и справедливо считать, что в большинстве случаев это характерно для обществ, в которых давно существует социально – половое разделение. В таких обществах положение мужчин и женщин отличается в правовом, бытовом отношениях и соответственно последствия такого неравенства могут привести к расхождению в языке.

В четвертом разделе первой главы под названием «Гендерные стереотипы в речемыслительной деятельности» предпринята попытка рассмотреть проблемы связи между языком и полом, то есть принадлежность к определенному полу и его выражение в языке: в номинативной системе языка, лексике, синтаксисе, категории рода и др. Отмечается, что целью гендерных исследований в лингвистике может быть изучение речевых особен-

ностей полов, определение и описание речевых характеристик мужчин и женщин. Гендерные исследования в лингвистике обычно носят междисциплинарный и сравнительный характер, кроме того, все отрасли и разделы лингвистики могут быть проанализированы и исследованы с точки зрения гендера, и, наконец, высказывается мысль, что гендерный анализ в лингвистике носит скорее экспериментальный и практический характер.

Основным объектом таких исследований является лексическая структура языка или же лексика самого языка. Исследования в этой области выявили следующие факты:

-синтаксическое сопоставление слов основывается на грамматическом роде той части речи, которая соответствует речи, а не на фактическом представителе пола;

-понятия «мужчина» и «человек» имеют одно значение и являются эквивалентом во многих языках;

-большинство слов, адресованных, именно женщинам, образуется с помощью слов, которые «принадлежат» мужскому полу, такие как: учитель-учительница, муаллим-муаллима;

-большинство лексических образований, используемых для описания женщин, носят негативный характер. Например, даже пытаясь дискредитировать мужчину, адресант использует выражения, характерные для женщин: занакмичоз, занакча (как женщина, как баба), занак барин метарси (боишься, как женщина – баба).

Во второй главе «Проблемы передачи гендерного феномена в таджикском и английском языках», рассматриваются вопросы передачи гендерных языковых единиц и понятий в контексте межъязыковых отношений как своеобразный языковой и лингвокультурный феномен.

Первый раздел второй главы **«Особенности передачи гендерного феномена в таджикском языке»** охватывает вопросы передачи гендерной лексики и обозначений гендерных понятий в таджикском языке. Первые исследования мужских и женских особенностей речи в отечественной лингвистике появились в конце 90-х и в начале 2000-х гг. На сегодняшний день лингвистическая гендерология получила распространение в таджикском языкознании.

Нельзя не отметить, что за этот период были проведены исследования, посвященные системному осмыслению феномена пола в языке и ведутся изыскания по проблеме гендера в языкознании с целью формирования теоретической модели гендера. Проблемы, связанные с разработкой методики лингвистического изучения гендера, актуальны и обсуждаемы в отечественной лингвистике.

В диссертационном исследовании С.Дж.Камоловой описываются лингвистические особенности гендера в семантике и структуре лексических средств русского и таджикского языков. Гендер трактуется в работе с позиции социального конструктивизма, аккумулирующего социальные представления о мужественности и женственности, характерные для русской и та-

джикской культуры [Камолова, 2010]. Проблема культуры речи при освещении гендерных вопросов на страницах русскоязычных газет Таджикистана рассмотрена в работе журналиста Ш.Муллоева, которая является актуальной на сегодняшний день и нуждается в продолжении и поиске новых подходов. Автор акцентирует внимание на трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и выявляет те языковые различия, которые можно объяснить особенностями перераспределения власти в обществе. При этом язык мужчин и женщин воспринимается как некая функциональная производная от основного языка в отдельных случаях, когда партнеры по речи находятся на разной степени социальной иерархии.

В последние годы бурное развитие гендерных исследований значительно повлияло на изучение теории перевода и проблем межъязыковой передачи.

Это определяет очевидность, что языковая ситуация непосредственно обусловлена социальной структурой общества, его географическими границами, состоянием культуры, развитием литературного языка, контактами с иноязычными коллективами и другими подобными событиями в истории общества, которые сами по себе, разумеется, не входят в историю языка, но определяют языковую ситуацию, видоизменяют ее и через нее воздействуют на развитие языка.

В целом начальный этап исследования гендерного феномена в языке варьируется двумя особенностями:

1. Нерегулярный характер исследования и нахождения на периферии лингвистики.

2. Формирование феномена мужской и женской языковой компетенции «дефицитности» «женского» языка по отношению к «мужскому». «Мужской» язык считался нормой, «женский» – отклонением от нормы.

Наблюдения показывают, что в повседневной жизни мы можем видеть множество примеров конфликтов, недопонимания между мужчинами и женщинами, основной причиной которых является языковое различие между мужчинами и женщинами. Например:

- *Пойафзоли хуб, аммо нархаша бисёр баланд гуфтед, хоҳарҷон.*

- *Сифаташ ба нархаш меарзад акаҷон, не нагӯед, пушаймон мешавед.*

- *Дуруст мегӯед, аммо камтар поинтар фуроред, як маслиҳат кунем.*

- *Наход ҳаминхел як духтари зебо гапи акаширо нагирад, бисту панҷ сомонӣ медиҳам, хоҳарҷон ин ҳам пули бад не.*

- *Бовар кунед, худааш қиммат омадааст, хайр, ана ба хотири суханҳои ширинашон ду сомонӣ арзонтар мекунам.*

- *Ба ҳаминаш ҳам раҳмат, лекин чӣ кунам, ки фақат бисту панҷ сомонӣ дорам, Шумо ҳам як бор илтифот карда, не нагӯед...* [Байзоев, 2008]

Перевод на английский язык:

- *Good shoes, but very expensive, sister.*

- *The quality is worth the price, don't say no, you will regret.*

- *You are right, but give up the price, let's make a deal.*

- *I don't believe that such a beautiful girl refuse her brother, I will pay twenty-five somoni, sister, this is not a bad money either.*

- *Believe me, it is expensive, well, because of your sweet words I will make it two somonis cheaper.*

- *Thank you for that, but what can I do, I have only twenty-five somonis.*

- *You too be kind!*

Перевод на русский:

- *Хорошие туфли, но дорого, сестра.*

- *Качество стоит цены, не отказывайтесь, пожалеете.*

- *Вы правы, но уступите немного, давайте договариваться.*

- *Неужели такая красивая девушка не послушает своего брата, я заплачу двадцать пять сомони, сестра, это тоже неплохие деньги.*

- *Поверьте, это дорогая обувь, ну, за ваши ласковые слова я сделаю на два сомони дешевле.*

- *На этом спасибо, но что поделатъ, у меня всего двадцать пять сомони.*

- *Вы тоже будьте благосклонны!*

Это диалог между мужчиной и женщиной-продавцом. Мужчина покупает своему ребенку обувь. Поторговавшись в присутствии своей супруги, он думает, что жена будет довольна тем, как он торгуется. Но супруга возмущена...:

- *Шарм намедоред, занатон дар баратону, ба зани дигар луқмапартон мекунед?*

Перевод:

Как ты мог любезничать с чужой женщиной, когда твоя жена стоит рядом, тебе не стыдно?

В данных гендерно ориентированных текстах (диалогах) мы хотим показать речевое поведение и отношения между мужчиной и женщиной в таджикском языке. Подобную ситуацию непонимания между мужчиной и женщиной можно найти в книгах Джона Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» и Деборы Таннен «Ты меня не понимаешь».

Во втором разделе второй главы «**Особенности передачи гендерного феномена в английском языке**» речь идёт о проявлении языковой дискриминации. В языкознании гендер соприкасается с двумя проблемами:

1. Язык и отражение в нем пола. В языке обязательно маркируется половая принадлежность, что позволяет изучить номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и выраженность семантики в речи мужчин и женщин.

2. Речевое и коммуникативное поведение мужчин и женщин. Именно в речи мужчин и женщин выделяется гендер-фактор, учитывая специфический лексикон, предпочтения синтаксических конструкций и специфику речевого поведения мужчин и женщин.

Понятие гендерной дискриминации (сексизма) языка основывалось на изучении гипотез Сепира-Уорфа, которые исходились из философских и социологических теорий. На базе этих теорий сформировались идеологические

и методологические основы феминистской лингвистики, суть которой сводилась к отражению в языке гендерного восприятия и мышления, мужскому контролю над языком и «отчуждению» женщин от языка. Наиболее известные работы в западных феминистских исследованиях, которые основаны на гипотезах Сепира-Уорфа, принадлежат американским лингвистам Д.Спендерц и М.Дейли, которые вели работу по модели британских социологов Э. и Ш.Арденов:

«Язык, сделанный мужчиной»

Под влиянием гипотезы Арденов еще одна представительница феминистского направления разрушает доминирующие каноны и модели языкового выражения. То есть разделяет существующие в языке слова и создает новые лексемы, ныне выражающие «женский голос».

Неологизмы М.Дейли известны не только как часть гендера, но и более широкого англоязычного культурного дискурса. К примеру, в слове *history* (история) путем разделения выделено два слова-компонента – *his* (его) и *story* (история), затем «мужское» местоимение *his* заменено на «женское» *her*. Этот неологизм *herstory* призывает пересмотреть историю, включив в нее женщин – «женскую историю человечества». Слово *herstory* в широкий лингвистический обиход не вошло, хотя в сети Интернет создан ряд сайтов под названием *herstory*, которые посвящены женщинам, внесшим вклад в историю и не получившим достойного отражения в ней. Слово *herstory* стало актуальным, так как появился «мужской» аналог – *Hisstory*.

В третьем разделе второй главы «**Гендерный фактор в переводе: индивидуальная парадигма**» даётся понятие системно структурного понимания языка и антропоцентризма как языковая личность. При исследовании и сравнении двух языков мы обращаем внимание, прежде всего на несоответствия в них. В ходе исследования категории рода существительных в таджикском и английском языках был выявлен ряд различий. В таджикском языке есть существительные, которые только с биологической точки зрения определяют, к какому роду (муж. или жен.) относится слово.

Как отмечает Ш. Рустамов, таджикский язык относится к группе аналитических языков и не имеет грамматическую категорию рода и падеж, а также именная часть речи, не имея флективной системы, образуется с помощью приставок, суффиксов и окончаний [Рустамов, 1981].

М.Н.Касимова показывает пути образования категории рода в таджикском языке [Касимова, 2012]:

1. Лексическим способом: мард (мужчина), зан (женщина), духтар (девочка), писар (мальчик), амма (тетя), дӯшиза (девушка).

2. Путём передачи имён собственных: Рустам, Золи, Зар, Гуштопс, Яздигурд, Судоба, Рудоба.

3. Путём прибавления духт, пур к словам: Пас чун **Бӯрондухт** ба мулк бинишаст, адлу дод кард ва чавр баргирифт. «Таърихи Табарӣ» – Как только Бурондухт (дочь Бурана) села на трон, она утвердила справедливость, и тот час было искоренено насилие.

4. С помощью словесных метафор: а) по отношению к женщине, что является её отражением (назокату латофат, нозаниниву зебой...): **Бутони сиёхчаши хуршедрӯй** – выражения “*Бутони сиёхчаши хуршедрӯй*” (солнцеликие с черными очами ангелы) относится к сестрам Джамшеда, а “*сарви симинбари мохрӯй*” обращено к Рудобе; б) по отношению к мужчине, что отражает его положительные или отрицательные качества: “*ахриманкеши дӯшаждаҳо*” (подобно черту и на плечах змеи).

5. Заимствованные арабские слова *музаккар* – нарина; (мужчина, юноша); грам.: мужской род и *муаннас* – модина; (женщина); грам.: женский род внесены в таджикский литературный язык, не меняя конфигурации: *маъшуқ* – *маъшуқа* (любимый – любимая), *маҳбуб* – *маҳбуба* (дружный – дружная).

6. Привнесение арабских слов бинн, ибн, бинт после имени человека и перед именами отцов и потомков (фамилии): **Наср ибни Аҳмад (Наср сын Ахмада), Ханифа ибни Олим (Ханифа сын Олима), Марям бинти Имрон (Мария дочь Имрана), Хинд бинти Атаба (Хинд дочь Атаба)** [Косимова, 2012:180-182].

Гендерная лингвистика предлагает многочисленные рекомендации по реформированию языка: например, изменения некоторых слов, содержащих дискриминацию женщин: *cameraman* – *operator*; *fireman* – *firefighter*; *police-man* – *police officer*.

Данный феномен довольно активно изучается как социокультурное и психолингвистическое явление. Каждый перевод лексем с гендерным оттенком необходимо выполнять, учитывая контекст, который по большей части зависит от гендерных и культурологических языкового свойства перевода.

В четвертом разделе второй главы «**Гендерные особенности наименований профессий и деятельности**» одной из наиболее важных проблем лингвистики называется корректный перевод наименований лиц по профессии и роду деятельности в гендерном отношении.

В последнее время в отечественной переводческой практике актуализируются проблемы адекватной передачи гендерно нейтральных наименований, в том числе с английского языка на таджикский, так как тенденция нивелирования названий мужских и женских профессий стала заметной.

Изменение социального статуса женщин в разных сферах, осваивание мужских профессий, соответственно, влияет на появление новых лексических единиц в языке.

В английском языке название профессий представительниц женского пола образуется с помощью женского суффикса: *artist, painter* – *paintress, female artist*; *tailor, snipper* – *dressmaker, seamstress*. Ср.: *рассом, наққош* – *зани рассом; либосдӯз, дарзӣ, хайёт* – *занаки дӯзанда, хайёта, дарзн*.

В таджикском языке широко употребляются заимствованные слова, например, менеджер:

Вай 5 сол боз дар ин ширкат ба ҳайси менеҷер кор мекунад.

*She has been working for the company as a **manager** for 5 years.*

Обозначение биологического пола можно найти в заимствованных словах из арабского языка и в некоторых таджикских словах, образовавшихся под влиянием арабских форм и свидетельствующих об определенном периоде появления их в таджикском языке. Это такие слова, как: муаллим – учитель – teacher, муаллима – учительница – teacher; раққос – танцор – dancer, раққоса – танцовщица – dancer; шоир – поэт – poet, шоира – поэтесса – poet, poetess; мураббӣ – воспитатель – educator /teacher/, мураббия – воспитательница – educator /teacher/.

В современном таджикском литературном языке род одушевленных существительных выражается словарным путем: группа существительных как – *одамон, ҳайвонҳо, парандагон*, относящихся к людям – *мард, зан, писар, духтар*, относящихся к животным – *нар, мода* и относящихся к птицам – *хурӯс, мокиён*. Существительные, которые выражают лицо, относятся к мужскому и женскому роду: *мусаввир, мунаққид, мусанниф, мутахассис, муаррих, мусаҳҳеҳ, байтор*; термины родства: *амак, тағо, надар, бобо, почо, завҷа, язна, ако, ҷӯра, бародар, додар, бин; бинт, амма, хола, янга, модар, биби, ҳамишра, дугона*.

Как известно, под давлением женщин департамент труда США издал новый словарь профессий «Dictionary of Occupational Titles», в котором был устранен язык половых стереотипов (Sex stereotyped language). Из названий профессий были изъяты слова *man, master, woman, maid* и суффикс женского рода *-ess*. Например: *chairman - chairperson, fireman - firefighter, fishman - fisher, mankind - humanity, human being, chair master - chairman, chambermaid - lobing quarters cleaner, charwoman - building interior cleaner, laundress - launderer*.

Что касается *policyperson*, то оно не может вытеснить *policeman*, несмотря на удобство. *Policyperson* встречается преимущественно в речи женщин, а мужчины предпочитают компонент *man*. При переводе на таджикский язык оба эти слова выглядят одинаково: *полис- полис зан*.

Можно сказать, что каждый язык индивидуален, а анализируемое явление имеет своё историческое развитие и фиксируется в современном процессе изучения языка. Английский и таджикский языки в силу отсутствия в них категории рода идут по пути нейтрализации гендера.

В третьей главе «Семантические особенности гендерной лексики в таджикском и английском языках», рассматриваются вопросы влияния гендерного фактора на межъязыковую передачу текстов, значения гендерно ориентированного контекста в выявлении лексико-ориентированного и стилистических особенностей слов, гендерной специфики метафорической лексики.

об анализах систем обращений, одна из которых ориентирована и основана на гендерных отношениях людей. Изучение сравнительного анализа

В первом разделе третьей главы «**Межъязыковая передача лексики гендерной маркировки**» рассматриваются некоторые тенденции современной английской литературы, достаточно симметрично и сбалансированно

развивающейся с точки зрения гендерного подхода. Женская тема и женский взгляд на вещи интересуют и писателей противоположного пола. В частности, в творчестве Джона Фаулза, одного из самых известных авторов в современной литературе Великобритании, отчетливо просматриваются феминистские идеи.

Английские существительные общего рода, которые обозначают статус и профессию, теоретически относятся к обоим полам, а когда речь идет только о женщинах они не используются [Налимов, 2011].

В таджикском языке ни существительные, ни прилагательные, ни другие части речи не различаются по родам, то есть категории грамматического рода в таджикском языке не существует [Замалетдинов, 2004].

А.И.Смирницкий пишет, что лексическое значение – это «известное отображение предмета, явления и отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [Смирницкий, 1955].

Например, мы говорим по-русски: высокий дом, высокая гора, высокое дерево – с учетом согласования компонентов словосочетаний в роде. В таджикском языке такого согласования не существует, поскольку здесь нет категории грамматического рода. Приведенные выше сочетания существительного с прилагательным выражаются:

высокий дом - *хонаи баланд*

высокая гора - *кӯҳи баланд*

высокое дерево - *дарахти баланд*

колхозник пришел - *колхозчӣ омад*

колхозница пришла - *колхозчизан омад*

Примеры показывают, что слово **баланд** во всех трех случаях употреблено в одной и той же форме, без всякого изменения в своем звуко-буквенном составе и означает и **высокий**, и **высокая**, и **высокое**, относится и к слову **омад**: *пришел, пришла*.

В английском языке сочетания существительного и прилагательного выражаются следующим образом без согласования рода:

хонаи баланд - **high building**

кӯҳи баланд - **high mountain**

дарахти баланд - **high tree**

колхозчӣ омад - **famer came**

колхозчизан омад - **(female) famer came**

Как видим, в английском языке эти слова также не меняются по форме. Что касается *естественного рода* в таджикском языке, то под этим термином подразумеваются существительные, которые обозначают лица или животных мужского или женского пола. В отношении людей биологический пол выражается употреблением с данным существительным слова «зан» - женщина - *woman* или «мард» - мужчина – *man*. Что касается слова «мард», то оно употребляется не только в значении определителя мужского пола, например: пи-

рамард – старик – old-man, а выражает также качества, считавшиеся исторически присущими мужчине (мужественность, великодушие): бачамард – отважный парень – brave young man. Как видим, такая типологическая особенность, как аналитизм английского языка, в приведенном примере выражается весьма ярко.

Во втором разделе «**Особенности функционирования антропонимов в гендерном аспекте**» рассматривается лексика имен собственных (антропонимов) и прозвищ, которые являются гендерно маркированными. В связи с чем межъязыковая передача антропонимов является непростой теоретической задачей. Гендерная специфика фамилий и определенные группы имен английского, русского и таджикского языков приводят к проблемам перевода. Заостряются проблемы в том случае, когда в ономастической системе таджикского, английского и русского языков выявляются значительные различия в гендерном вопросе.

Родовой признак, или признак пола лица, выражается противопоставлением мужских и женских имен, прежде всего личных, например, PAUL, JEROME, ANDREW, ANTHONY, с одной стороны, и JUDITH, JANE, SYLVIA, ELIZABETH – с другой.

По утверждениям некоторых лингвистов, использование одних имен для названия лиц мужского пола, а других – для лиц женского пола есть всего лишь лингвистическая условность, опирающаяся на культурную традицию.

Оспаривание таких разграничений сложилось при наблюдении за английским языком, где у мужских и женских имен практически нет особых отличительных родовых окончаний, а некоторое число имен могут выступать одновременно как мужские и как женские.

В Словаре английских личных имен насчитывается менее 30 имен (из нескольких тысяч), которые в своей полной форме являются как мужскими, так и женскими. Самые распространенные – AVERIL, BEVERLEY, Carey, Carol, Clyde, Dean, Evelyn, Garnet, Hillary, Holly, Jesse, Jocelyn, Joyce, Leigh, Kim(ball), Leslie, Meredith, Morgan, Shirley, Sidney, Vaughan, Vivian, Wallace. Имеется еще немало число уменьшительных и усеченных форм, как Alex, Bertie, Chris, Matt, Pat, которыми могут называться лица обоего пола.

В таджикском языке есть ряд имен, которыми называют и мальчиков, и девочек. Например, Диловар (мужское имя), Диловар (женское имя); Шавкат (мужское имя), Шавкат (женское имя); Муқаддас (мужское имя), Муқаддас (женское имя); Маниж – Манижа, Шариф – Шарифа, Фарзон – Фарзона, Фарид – Фарида, Шоҳин – Шоҳина, Фариз - Фариза, Саид – Саида, Мехрон – Мехрона, Ҳабиб – Ҳабиба...

Межъязыковая передача антропонимов считается одной из сложных, теоретических проблем. В гендерном аспекте возникают трудности при переводе гендерной специфики фамилий и имен, именно в гендерном плане здесь наблюдаются довольно серьезные расхождения. И речь идет не только об антропонимах в целом.

Надо заметить, что, несмотря на гипотетическую возможность изобрести абсолютно любое имя, такие антропонимы все равно в подавляющем большинстве своем остаются за пределами культурной парадигмы конкретного социума, который предпочитает адекватные имена.

Антропонимы как маркеры национальной идентичности заслуживают отдельного рассмотрения, более подробного, чем позволяют рамки данного исследования. Нужно только отметить важность и неоднозначность этого параметра в культурной функции антропонима.

В третьем разделе третьей главы «Семантика слов гендерного значения при переводе» проводятся анализ примеров гендерной принадлежности объекта. При рассмотрении данного вопроса по отношению к английскому языку можно столкнуться с двумя очевидными фактами. Во-первых, понятия одушевлённости – неодушевлённости являются весьма существенными для построения высказывания имманентными константными свойствами существительного, определяя сочетаемость существительных с определёнными глаголами и прилагательными. К примеру: **The man** looked at **him** in surprise (но не 'The wall looked at him in surprise') **Мард** бо тааччуб ба **ӯ** нигарист; **Our teacher** has grown a beard (но не 'The computer has grown a beard) **Усто**ди мо риш мондааст; **She** is very timid (но не The lamp is very timid) **Вай** хеле тарсончак аст. Во-вторых, нельзя отрицать наличие в английском языке и некоторых лексических средств, выражающих значения мужского или женского рода, в частности, суффикс женского рода -ess, основы he и she, в равной доле соотносимые и с понятием одушевлённости.

Рассматриваемая категория имеет и грамматические средства выражения. Прежде всего, значение одушевлённости/неодушевлённости определяет способность или неспособность существительного принимать форму так называемого притяжательного падежа. Пример: the girl's eyes - чашмони духтар – the eye of a needle - чашми сӯзан; the man's foot - пои мард – the foot of a mountain-доманаи кӯх.

Как отмечалось выше, категория рода в английском языке выражает принадлежность существительного к мужскому или женскому роду. Действительно, категория рода в английском языке отличается от категории рода во многих других языках и обладает невыраженным признаком рода. В некоторых публикациях и произведениях авторы выделяют и заостряют внимание на роде следующих наименований при помощи гендерно-маркирующих компонентов *male, female, boy, girl*.

Например, в журнале GQ читаем: "*old male colleagues...* (GQ, October 2006). В данном случае слово «коллега» является словом общего рода. В оригинале и в таджикском переводе это слово относится мужскому полу, поскольку в статье речь идет о злоупотреблении мужчинами своими должностными обязанностями и сексуальных домогательствах с их стороны к персоналу женского пола. Учитывая это, перевод будет практически буквальным: *коллеги-мужчины, ҳамкорон-мардон*

Ср: *Middle English lyrics of the Passion, in contrast give the Virgin, and by extension, their **female readers**, a far more participatory role.*

Перевод на таджикский: *Лирикаи шиқи асримиёнагии англис, баръакс ба духтарон ва демак ба **хонандагонаш** боз ҳам нақши муҳимро мерасонад.*

*Taboos and conventions surrounding **female gazing** may work to victimize the **female watcher** in Stond wel, moder as well as in other laments at the cross but that is far from the whole story [Tafel, 1997].*

*The **female gaze** is a feminist film theoretical term representing the gaze of the **female** viewer. It is a response to feminist film theorist Laura Mulvey's term "the male gaze", which represents not only the **gaze** of a heterosexual male viewer but also the gaze of the male character and the male creator of the film.*

Перевод на таджикский: ***Нигоҳи занона** истилоҳи назариявӣ дар кинои феминистӣ, ки нигоҳи бинандаи **жанро** ифода мекунад. Ин посух ба истилоҳи "нигоҳи мард" -и назариётииноси феминист Лаура Мулвӣ аст, ки на танҳо нигоҳи тамошобинони гетеросексуалӣ, балки нигоҳи персонажи мард ва филмсоз аст.*

В этом примере компонент *female* выступает как смысловой гендерный маркер, так как в отрывке из текста речь идет именно о читательницах и отношении лирики к женщинам. Во втором предложении речь идет о женских взглядах.

*If we assume **male authorship**, we might be more likely to concentrate on the poem's stereotypical association of women with sexual incontinence and fickleness [Ardener, 2006].*

Перевод на таджикский: *Агар тахмин кунем, ки муаллифӣ ба мард тааллуқ дорад, пас мо бешитар ба иттиҳодияи стереотипии занони дорои норасоӣ, бетартибии ҷинсӣ ва номутобиқатӣ он дар шеър диққат медиҳем.*

При правильном переводе можно использовать дифференциальные особенности языков, придавая тексту больше колорита. Посмотрим это на примере:

«An old man was sitting by the side of the road».

Дословный перевод будет звучать примерно так:

«Старый мужчина сидел у дороги».

«Марди тире дар сари роҳ нишаста буд».

Учитывая все особенности английского и таджикского языков, можно постараться использовать их конструктивно.

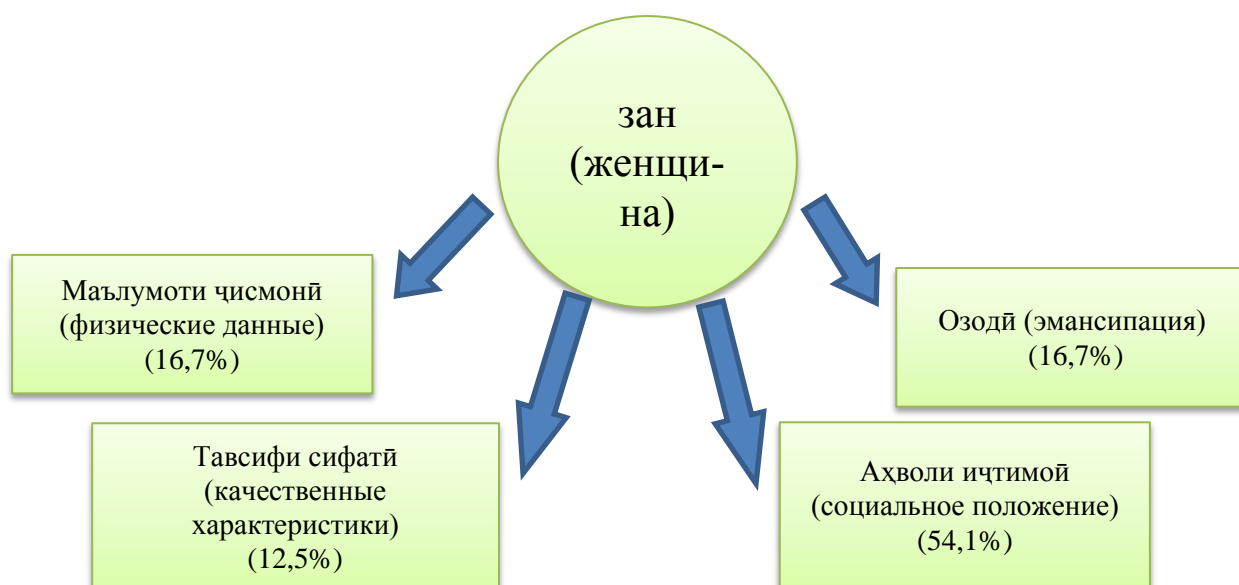
Например, «an» – в таджикском языке артикль *-e* – представляет собой энклитику. Он произносится слитно и несет на себе ударение, но это не дает оснований оставить неопределенный артикль «a» без перевода. Понятие «Неопределенный» говорит само за себя – мы не знаем подробностей о мужчине, речь о котором идет в предложении, – более того, это не имеет ни малейшего значения. Подобный оттенок можно легко придать с помощью русского «какой-то» и таджикского «як – е».

«Old man» – это именно «старый мужчина», «марди пир», поскольку в английском нет слова «старик» или же есть аналогичное, но некорректное или неуместное.

В четвертом разделе третьей главы «**Ассоциативное восприятие лексемы женщина в языковом сознании носителей таджикского языка**» исследуется ассоциативное восприятие респондентов путем психолингвистического метода, передающего прямую проекцию внутреннего и часто неосознаваемого содержания сознания. Сам эксперимент предполагает собой опрос информантов, объединенных некоторой социальной общностью на предмет выявления их ассоциаций-реакций, на определенный стимул. Предметом исследования становятся непосредственно реакции опрашиваемых, которые создают ассоциативные поля, дающие возможность описывать качества образов сознания. Такое исследование концептуализации экспериментальными методами дает возможность проследить гендерные особенности языкового сознания. Исследование такого рода, разумеется, недостижимо без анализа ценностей и культурных норм, присущих реципиентам, которые будут проходить анкетирование, иначе эксперимент будет неудачным.

В эксперименте приняли участие 100 студентов разных курсов, от 18 до 22 лет, Худжандского политехнического института им акад. М.Осими, обучающиеся по следующим специальностям: IT-технологии, экономика управления, энергетика, автоматизация и управление.

Результаты исследования, полученные нами, были обобщены и обработаны методом когнитивного истолкования, в результате чего была построена модель слова-стимула *зан (женщина)* в гендерном языковом сознании. Для выявления гендерной маркированности исследуемого концепта, была разработана иерархизация признака в гендерном языковом сознании испытуемых студентов.

Ответы респондентов женского пола показали следующие реакции: зебогӣ (красота) (20), модар (мать) (65), маълумот, пешравӣ ба мансаб, (20),

мехрубонӣ (15). Данный анализ выполнен в рамках *дефиниционного* эксперимента.

Ответы респондентов мужского пола: модар (мать) (80), назокат, мехрубонӣ, садокат, софдилӣ (34), хусн (70), ифроткорӣ (15), пургӯй (5), маълумот (25).

Проведенный среди студентов эксперимент не показал чисто мужских или чисто женских признаков, но область гендерного совпадения доминирует количественным показателем, также гендерная маркированность по выразительности когнитивных признаков ярко выражена в ядре.

В пятом разделе третьей главы «**Метафоризация гендерной лексики**» рассматривается перенос гендерных качеств на неживые объекты. Метафора считается элементом Т-языка (*tensive language*) или «языком создающим напряжение», из этого исходит природа метафоры, т.е. сущность метафоры. К примеру, для сравнения приведем строку Бернса: *'O my love is like a red, red rose'*; *'О, моя любовь, словно красная, красная роза'*, – которая с грамматической точки зрения представляет собой сравнение с сокращенным утверждением *'Love is the red rose'*, *Любовь – это красная роза*. С грамматической точки зрения оно является метафорой, но согласимся, что в первом случае больше метафорической жизненной силы, чем во втором. Часто метафорическое сопоставление кажется действенным, если эксплицитное употребление таких слов, как *like* 'словно', отсутствует, однако это не совсем так. Существование и анализ метафоры выявляется не благодаря правилам грамматических форм, а скорее качеству семантических преобразований, которые ей свойственны. Анализ показывает, что чаще всего женщин, как и мужчин, оценивают физически. То есть предметом оценивания становятся глаза, волосы и фигура. Ведущие случаи метафорической передачи концепта BEAUTY схожи для женского и мужского англоязычного дискурса. Базисные метафорические проекции, которые лежат в основе вербализации концепта BEAUTY, это *красота – свет, зебогӣ – равшанӣ; красота – сила, зебогӣ – қудрат; красота – чары, зебогӣ – ҷоду, сеҳр; красота – цветок, зебогӣ – гул; красота – картина, зебогӣ – сурат, расм, лавҳа; красота – страх, зебогӣ – тарс, ваҳм, ҳарос; красота – ловушка, зебогӣ – дом*.

Таким образом, в исследовании гендерной специфики метафорической лексики актуальным является также определение оценочного компонента, поскольку гендерные различия на метафорическом уровне проявляются при положительной или отрицательной оценке. Это различная инвективная лексика или образные зооморфизмы, которые типичны для обозначения только женщин или мужчин.

В заключении отражены основные результаты и выводы исследования:

Почти в каждом социуме у женщин и мужчин присутствует склонность использовать язык по-разному, в некоторых случаях даже варианты речи рассматриваются как женский, так и мужской. Соответственно дифференциация мужских и женских ролей даёт нам возможность утверждать о стереотипизации мужского и женского языков. Тем не менее, оба пола имеют возможность без труда общаться друг с другом во всех социумах, хотя важность и выразительность половых дифференциаций в языке обсуждается многим учёным.

Современные представления о гендерных стереотипах и речевой деятельности в зависимости от пола выражают изменение ментальных представлений о маскулинности и феминности. Такое изменение говорит о том, что общепринятые свойства, которые относятся к мужчинам и женщинам, не носят постоянный характер, а складываются в менталитете социума и могут трансформироваться, в результате феминизации. Исследования гендерных стереотипов в лингвистике за последние годы динамично повлияло на различные культуры. Но эти изменения воспринимаются и интерпретируются различными представителями лингвокультур, по-разному в языковом плане. В этом случае необходимо не только утверждение различий межкультурной коммуникации, речевых различий мужчин и женщин, но и определение причин этих различий, которое может выявить приемлемые пути решения этих вопросов.

Функционализм, когнитивизм и антропоцентризм являются средствами передачи социально значимого и духовно-ценностного опыта носителей языка, а также ведущими научными принципами в современной лингвистической теории. Гендерная картина мира определенных языков по признаку *маскулинности* — *феминности*, а также речевое поведение носителей этих языков вызывают интерес и особое внимание в рамках данного исследования, в связи с чем наше внимание акцентируется на тех обществах и культурах, в которых роли полов четко определены.

Расхождение языков непосредственно обусловлено несходством мировосприятия, культуры, этнических и социальных установок. В рамках нашего научного исследования речь идёт о проблемах передачи гендерного феномена в таджикском и английском языках, выявив гендерный фактор в речи мужчин и женщин. С целью достижения наилучшего результата в ходе перевода гендерных стереотипов и гендерно маркированных единиц необходимо учитывать гендерные особенности языка. Перевод зависит от стереотипов

ценностей литературных, языковых, этнических норм и политических явлений.

Метафора является средством языка, которая функционирует в качестве механизма вторичной номинации. Основная суть традиционного понимания метафоры осталась неизменной на протяжении тысячелетий: «метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [5, с.171].

В изучение гендерной специфики метафорической лексики самым актуальным является выявление оценочного компонента, поскольку гендерные различия на метафорическом уровне проявляются при *положительной* или *отрицательной* оценке. Инвективная, то есть унижающая лексика или образные зооморфизмы, которые типичны для обозначения только женщин или мужчин, создают в некой мере метафорическую лексику.

Следует отметить, что гендерно отражающие лексемы таджикского и английского языков ввиду отсутствия в них категории рода, находят пути нейтрализации гендера. К тому же гендерная лингвистика предлагает рекомендации по реформированию языка и изменению некоторых слов, содержащих дискриминацию женщин.

Отсутствие гендерной категории не означает гендерного равенства в таджикском языке. Следовательно, невозможно определить гендерную идентичность на основе чисто лингвистического анализа. Так же изучение отражения гендерных отношений в таджикском языке осуществляется не с помощью анализа грамматических форм, а с точки зрения лексического осмысления. Это придаёт определенный смысл тому, что анализ слов и выражений определенного пола имеет большее значение для таджикского языка. Очень важно уделить внимание реализации стратегии решения практических трудностей языкового посредничества, которое каждый раз требует чистого и грамотного перевода.

При передаче гендерных стереотипов и гендерно маркированных единиц, наилучшего результата можно добиться, учитывая особенности гендерной языковой и этнокультурной гендерной языковой картин мира. Однако проявления дискриминации по гендерному признаку, существующей в обществе, все-таки находят отражают в языке. Относительно таджикского языка можно утверждать, что дискриминация по гендерному признаку неактуально в силу отсутствия в языке родовых различий, фактически уравнивающих речевые возможности представителей обоих полов. Прежде чем начать работу над исследованием гендерно ориентированной лексики, нами были изучены общие гендерные понятия и положения в Таджикистане. Богатая персидская и таджикская литература со всей своей сокровищницей текстов, образов и смыслов может стать хорошим источником гендерных исследований.

Проблемы языкового выражения гендерных отношений в таджикском языке должны рассматриваться не только с точки зрения грамматической интерпретации и таксономии, но и, что очень важно и необходимо, с учётом лексических и семантических особенностей в данной языковой картине мира.

Наряду с этим, анализ лексико-семантических и стилистических особенностей слов, выражений и терминов гендерно ориентированного языкового контекста может иметь сравнительно большое значение для современного таджикского языка.

Цитируемая литература

1. Беликов, В.И., Крысин, Л.П. Социоллингвистика / В.И.Беликов, Л.П.Крысин. – М., 2001. – 436 с.
2. Кирилина, А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике / А.В.Кирилина // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С.138-143.
3. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик (асрҳои IX-X) / М.Н.Қосимова. Ҷ. 1. – Душанбе, 2012. – С.180-182.
4. Налимов, В.В. Спонтанность сознания]: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В.В.Налимов. – М., 2011. – 399 с.
5. Сергиева, Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.С.Сергиева. – М., 2009. – 42 с.
6. Рустамов, Ш. Исм: категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаи нутқ / Ш.Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 216 с.
7. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности // Вопросы психоллингвистики / гл. ред. А.А.Леонтьев. – 2003. – № 1. – С. 102-110.
8. Халеева, И.И. Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации / И.И. Халеева // Гендер: Язык, культура, коммуникация: Доклады первой международной конференции. – М., 2001. – С.7-11.
9. Ardener, E. Belief & the Problem of Women & the ‘Problem’ Revisited / E.Ardener // Feminist Anthropology. – Boston, 2006. – P.47-66.
10. Herring, S.C. Gender differences in CMC: Bringing Familiar baggage to the new frontier / S.C.Herring. – Boston, 1996. – P.144-154.
11. Lakoff, R. Language and Woman’s Place / R.Lakoff. – New York, 1975. – P.328.
12. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – London: University of Chicago Press, 2003. – P.256.
13. Tafel, K. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache / K.Tafel. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. – 237 p.

Источники:

14. Грей, Дж. «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» / Джон Грей. – Изд. София, 2020. – 351 с.
15. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В.Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 107 с.
16. Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ / Ҷ.Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 2009. – 560 с.
17. Таннен, Д. «Ты меня не понимаешь (Почему мужчины и женщины не понимают друг друга)» / Д.Таннен. –М.: Изд-во Персей, АСТ,1996. – 61 с.

Список публикаций по теме исследования:

1. Атаева, Т.Х. Гендерный фактор в речи и отражение неологизмов английского языка в социальной сфере / Т.Х.Атаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. – №4. –С.70-75. (на тадж. яз.)
2. Атаева, Т.Х. Особенности преподавания английского языка в техническом вузе / Т.Х.Атаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. – №3. –С.252-257.
3. Атаева, Т.Х. Метафоризация гендерной лексики в таджикском и английском языках / Т.Х.Атаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2020. – №5. –С.113 – 118.
4. Атаева, Т.Х. Изоморфизм, алломорфизм в системе категории залога в таджикском и английском языках / Т.Х.Атаева // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2020. – №4. –С.63 -68.
5. Атаева, Т.Х. Изучение взаимосвязи языковой структуры с гендерно социальным окружением / Т.Х.Атаева // Colloquium-journal. – Варшава 2020. –№7(59). –С.44-46.
6. Атаева, Т.Х. Понятие гендерного аспекта в речевом контексте / Т.Х.Атаева // Вестник филиала Московского государственного университета. – Душанбе, 2020. – №4(5). – С 39-41.
7. Атаева, Т.Х. Понятие семантики как концепта в лингвокультурологии. [Электронный ресурс] // Преподавание языков; цели, технологии, результаты» по теме серия ФС №723 от 05.01.2019г.: электр.сб. Всероссийской конференции. – Режим доступа: <http://www.almanahpedagoga.ru>
8. Атаева, Т.Х. Гендерно-ориентированная лексика в таджикском и английском языках: монография / Т.Х.Атаева. – Худжанд: Хуросон, 2021. – 212 с.